

Мария Герани
Монки и Бабочка

18+

Мария Герани Монки и Бабочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69126943

SelfPub; 2023

Аннотация

История о том, как адвокат по бракоразводным процессам столкнулся с мистикой, а его клиент лишился головы.

Мария Герани

Монки и Бабочка

Питерская зима бывает туманной, особенно на исходе. Город накрывает сизая мгла и висит над ним неделю или две, душит горьким болотным запахом. А потом, когда душа уже доведена до отчаяния тяжёлой этой сыростью и отравой, случается чудо. В одну ночь на город бесшумно опускается снег, как прощение – отпущение грехов и благословение.

Лавров приехал в Питер таким снежным утром. Ещё пахло болотом, но уже с примесью свежей воды. Хотелось идти по Невскому и дышать, дышать. Он устроился в кафе напротив Казанского, на втором этаже Зингеровского дома, заказал кофе и стал вслушиваться в белое безмолвие за окном сквозь позвякивание ложечек и негромкие разговоры утренних посетителей.

До прихода информатора было время, и Лавров обдумывал предстоящее дело. Странно было самому ехать за компроматом, как будто не существовало телефонов и интернета, но в его адвокатском деле и не такое случалось. Он специализировался на бракоразводных процессах и от работы своей получал удовольствие. Лучше развестись, чем терзать себя и другого, считал он, и после своего мучительного развода делал для других этот процесс менее болезненным. Получалось, однако, не всегда.

Клиент, которого Лавров теперь вёл, представил жену исчадием ада, казнью египетской, было заметно, что он боится её до дрожи в коленях. Фотографии жены Лавров посмотрел. Не красавица, но лицо симпатичное, улыбка приятная. Голос ему тоже понравился – спокойный, не истеричный. По телефону она сказала, что вернётся через пару недель. Тогда и встретимся, обсудим условия, дам я ему развод. Клиент явно нагнетал, но на аванс не поскупился и был настроен решительно.

Лавров предпочитал готовиться основательно к встрече с противной стороной, информаторов своих загрузил, и питерский почти сразу отбил «есть материал». Но настаивал на личной встрече. Лаврову даже интересно стало, что он там на неё нарыл. Дело представлялось ему обычным, так что эту поездку он воспринял как развлечение.

Казанский собор на другой стороне Невского вызывал ощущение неясной грусти и одиночества. Под колоннадой, должно быть, голуби воркуют; шумы города под ней затухают и время останавливается. Лавров вдруг почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит и обернулся.

Он её как-то сразу узнал, хотя она не была похожа на свои фотографии. В чём-то чёрном с головы до ног, мягком, обволакивающим и в глазах маячит такое – неясное, но притягивающее. Запах её духов показался ему знакомым, забытым. Нет, не вспомнить.

– Ну, здравствуйте, Монки, – сказала она спокойно и на-

смешливо.

У Лаврова внутри всё оборвалось. Взрыв и пустота, ядерная зима. Никто не мог этого знать! Так его только мать называла в детстве, когда спать укладывала, и никогда, никогда, никогда на людях.

Она дала ему пару минут переварить услышанное, устроилась напротив и спросила утвердительно:

– Поговорим?

Больше всего Лаврову хотелось задать ей этот вопрос – откуда она знает, но он только и смог выдавить:

– Простите, я готовился к совсем другой встрече. И не могу сейчас обсуждать ваши условия.

– Ваш информатор не придёт. Это была моя уловка. Решила встретиться с вами на нейтральной территории. И обсуждать ничего не нужно. Условие только одно. Я хочу его голову.

– Что?

– Я хочу его голову, – повторила она спокойно.

– Но это невозможно!

– Почему?

Лавров обозлился, больше на себя, что не справился, хотя на неё тоже:

– Как вы себе это представляете? Отрезать её вам что ли?

– Зачем же. Я не храню такие артефакты. Заключим договор, только и всего.

– Вы сумасшедшая?

Она улыбнулась:

– Нет. И кровью ничего подписывать не нужно. Вообще об условиях сделки лучше не распространяться. Только вы, я и он.

– Да вы понимаете, что любой суд признает её ничтожной?

– Я не пойду с этим в суд, – она усмехнулась недобро. – И знаете, мне почему-то кажется, что вашему клиенту наш договор придётся по душе больше, чем раздел имущества.

Лавров вдруг страшно захотелось закрыть глаза. Когда он открыл их, её уже не было. Только смутный запах духов висел в воздухе. Что-то в нём было, в этом запахе. Лавров схватил чашку и одним большим глотком проглотил остывший кофе. Но лучше не стало. Тогда он выскочил на проспект и помчался к вокзалу: нужно было обменять вечерний билет на ближайший «Сапсан»...

Поезд уже подходил к Москве, а Лавров всё никак не мог прийти в себя. Она ему кого-то напоминала – неуловимо знакомое движение рук, поворот головы; горько-сладкий запах её духов был ему определённо знаком. Однако мысли путались и, как он ни напрягался, вспомнить ничего не мог. Только в висках пульсировало – откуда она знает, откуда она знает?

Лавров сунул руку в портфель, чтобы достать бутылку с водой, и тут же отдёргнул, наткнувшись на что-то острое. Это был угол чёрной пластиковой папки. Лавров не помнил, что-

бы у него была такая. Он снял чёрные резинки с уголков, и сердце его перестало стучать. Сверху лежал пресловутый договор на нескольких листах, с подробным списком того, что его клиент должен был обменять на собственную голову. В конце на нужном месте стояла её подпись. Вторым документом была генеральная доверенность. Больше в папке ничего не было.

Лавров вчитался в доверенность. Его собственная фамилия показалась ему чужой, её фамилия, номера паспортов, ёлки за окном запрыгали у него перед глазами. Какого чёрта! Во что эта женщина хочет его втянуть? Что происходит? Он испытывал одновременно дикое бешенство и жгучий интерес. Но какова!

Ситуацию он явно не контролировал.

Где-то в кармане настойчиво вибрировал телефон. Звонил злополучный клиент. Лавров неожиданно для самого себя выложил ему все карты, выслушал в ответ радостные излияния и согласился на встречу. К чёрту! Разберусь с ним сегодня, а потом спать, спать, спать. И ни о чём не думать.

Чтобы сбросить с себя питерский морок, он решил пройтись от вокзала до офиса пешком. Офис у него был не так далеко, на Покровском бульваре – маленький, почти домашний, с деревянными рамами в окнах. Можно было уже и по-solidнее найти, но Лавров ничего менять не хотел. Он позвонил удивлённой его появлением в Москве секретарше, предупредил о встрече и попросил отменить всё и всех на

весь завтрашний день.

В зимних сумерках было что-то уютное, жёлтый свет фонарей разгонял тревогу. Лаврову стало лучше, захотелось побыть ещё на улице, вдыхать и выдыхать сухой московский воздух. Но он пересилил себя, поднялся на пятый, последний этаж маленького бизнес-центра, отпустил секретаршу. Большой свет он оставил везде, кроме кабинета, а в кабинете зажёл старомодную настольную лампу. И стал ждать.

Клиент опоздал на сорок минут, ввалился с белым картонным пакетом в руках, расхристанный и весёлый, пах то ли коньяком, то ли виски и от возбуждения говорил без умолку:

– Дорогой вы мой, вы не представляете какая это удача. Голову даю на отсечение, и подумать не мог, что всё так быстро закончится. Эта баба мне все нервы вымотала. Чёрт дёрнул на ней жениться. Чёрт, точно говорю. Но если договор – всё, слово своё держит. Да не нужен мне второй экземпляр, потом ей отдадите. Не обращайтесь внимания, она и не такие штуки откалывала. Шутка это, понимаете. Подписал, вот смотрите, подписал. Давайте теперь коньячку, отметим это дело. Я и стаканы захватил. Ох, какое облегчение! Помню, мы с ней в Париже все кладбища облазили, под землю спускались на кости смотреть, черепа протухшие. Это у неё юмор такой чёрный.

Лавров сначала вздрогнул, потом поморщился, а клиент продолжал нести что-то про Майорку, пальмы и освобождение. Сейчас перейдёт на «ты» и полезет обниматься.

– Вы позволите? – Лавров отошёл к окну в спасительную темноту. – Тут душновато.

– Валяй-валяй, – засмеялся клиент, разливая коньяк.

За окном во дворе под одиноким тополем тёплым светом горел фонарь. Лавров потянул шпингалет. Невесть откуда взявшийся ветер вырвал раму из рук, чёрным крылом взметнулась занавеска, накрыла с головой. Где-то хлопнула дверь. Лавров тут же закрыл окно, обернулся и увидел, как дрожит мелкой дрожью в световом пятне рука клиента со стаканом. А головы-то у него и нет: она катится, подпрыгивая, на большой свет, в приёмную. И пачки денег из опрокинутого пакета вываливаются вслед за ней на пол.

А ведь она мне соврала, подумал Лавров, когда шок немного прошёл. Его бывшая тоже врала – по мелочи, но его это задевало. Это были не те тайны, из-за которых стоило врать. Ладно – эта тебе не жена, и люди обманывают друг друга, что поделаешь. Каждый раз он убеждал клиентов не врать ему как адвокату, но они всё равно ввали. Но сейчас-то зачем? Вот, предположим, задумала ты убить мужа. Зачем сообщать постороннему человеку, как ты его убьёшь? Договор этот дурацкий зачем было подписывать? Зачем убивать таким странным способом? Зачем подставлять его, Лаврова? Ладно, муж, но я-то тебе что сделал? Господи, как она вообще это провернула!

Лавров прислушался. Тишина в кабинете стояла, как на

кладбище. Он слышал только своё неровное дыхание. Клиент уже осел в кресле, безвольно руки уронил. Стол был заляпан кровью. Лавров машинально похвалил себя за педантичность: договор он по привычке сразу убрал в ящик. А если бы не убрал, его бы обязательно спросили, что лежало на этом чистом от крови прямоугольнике. Ковёр почти не забрызган, только узкая цепочка следов, оставленная скачущей головой, ведёт в приёмную. Впрочем, микроскопические брызги могли быть где угодно. Теоретически даже на нём самом, хотя он стоял далеко. Рискуешь, Лавров. Но больше всего крови, как ему показалось, было на деньгах. Зачем клиент их принёс?

Так, ладно. Предположим, меня в кабинете не было. Убийца мог залезть в окно, или выйти в него. Как – это уже не моё дело, но окно должно быть открытым. Лавров отвернул шпингалет, протёр его и ручку носовым платком. Чтобы больше не возвращаться, он вытащил из стола папку – нужно сунуть её в архив: кабинет, скорее всего, опечатают, а там вряд ли посмотрят. Стараясь не наступать в кровь, он выбрался в приёмную.

Голова клиента лежала у самого выхода в маленький коридор. Лаврова передёрнуло, но он поймал себя на мысли, что это ему на руку – если на ботинках останутся микроследы. С какой же силой она отлетела! Итак, меня в кабинете не было, потому что я был на кухне. Что я там делал? Готовил кофе под коньяк для себя и клиента, потому что секретар-

ша уже ушла. Двери в кабинет и приёмную были открыты, отпечатки можно не стирать. А вот с ручек входной двери – придётся. Лавров выглянул в общий коридор. Никого. И камер тут, слава блоггу, нет. Хоть в чём-то повезло.

Рядом с кухней была дверь в архив. Прежде чем спрятать чёрную папку среди множества других, Лавров заглянул в уверенность и запомнил её адрес. Адрес был подмосковный. Когда его выпускают – а его выпускают! – он сразу поедет туда. Теперь – кухня. Он гордился, что у него в офисе есть кухня – маленькая, зато почти как дома. Он купил в неё кофемашину и без клиентов кофе пил только здесь. Лавров вставил капсулу в аппарат и, когда знакомый запах ударил ему в нос, наконец, почувствовал абсурд происходящего.

Он упал на стул и долго смотрел в одну точку – имитацию сучка на ламинате. Кто она? За что ему, Лаврову, этот кошмар сюрреалистический? Он стал вспоминать их встречу, запах талого снега, чёрно-белый монохром петербургской зимы. Вот она знакомо двигает плечами, словно сбрасывает с себя что-то. Стоп, ещё раз. Движение головы, плечи, руки... Он вспомнил. Это было не более дико, чем всё, что с ним произошло – что-то вроде вишенки на торте. В школе их водили в кино на девчачий, как считали мальчишки в его классе, фильм «Мария, Мирабела». Но Лаврову тогда понравилось, как мультяшные герои преодолевают себя – лягушонок, наказанный феей за ложь, светлячок, чьи ботинки чуть не сожгли его самого, и бабочка, которая боялась летать. Она

была похожа на бабочку.

Лавров выдохнул и ещё раз обдумал аргументы. Оставался последний штрих, чтобы дорисовать картинку. Он приготовил две чашки кофе, уронил их на входе в приёмную, где на него смотрела потухшими глазами отрезанная голова. Перепрыгнул через неё – говорю же вам, гражданин следователь, в шоке был! – и снял трубку офисного телефона.

Следователь смотрел на Лаврова как на обезьяну в цирке – с восхищением и любопытством. Только челюсть всё время подбирал, чтобы не вываливалась. Ты смотри, что делает! И ботиночки у гада фирменные.

– А скажите, как могло произойти, что вы ничего не слышали? Ну, вот совсем ничего.

– Кофемашина шумит, знаете ли.

Лавров следователю даже сочувствовал. Лавров тоже не поверил бы человеку, который метит в свидетели такого дикого убийства и ничего не видел. А в то, что этот человек сообщник убийцы, – ещё как! «Но ты меня, пожалуйста, отпусти. Не потому что у тебя на меня ничего нет, а потому что мне очень-очень нужно».

– Хорошо. А что за деньги он вам принёс? Всё-таки крупная сумма.

– Для меня это тоже загадка, – абсолютно искренне отвечал Лавров. – Он мне ничего о деньгах не говорил. Да мы и не договаривались. Я вообще-то безнал предпочитаю.

«Ну, давай, отпускаяй! Ты же видишь – я спокоен как в танке и чист как белый лист».

– А вот жена вашего клиента, какой она вам показалась? Как отзывалась о муже? Может быть, что-то говорила о своих чувствах?

– Понимаете, я не заметил в её словах ничего особенного, ничего, что выдавало бы её ненависть к мужу. Вообще это дело казалось мне довольно необременительным. Обе стороны были согласны на развод, общих детей не было, имущество особо не делили. Ничего не предвещало, так сказать.

«Отпускай, отпускай меня! Время не ждёт».

– Пока всё, но у нас к вам будут ещё вопросы, – сказал, наконец, следователь и взял с Лаврова подписку о невыезде.

– Конечно, – сказал Лавров. – Пожалуйста.

Подмосковный адрес Бабочки – так он её теперь называл – он шептал как молитву, когда забирал свою машину со стоянки бизнес-центра. Сейчас приеду, думал Лавров, и всё из неё вытрясу. А если её там не будет? А если её там не будет, значит, будем искать. Его не покидало чувство какой-то общности с ней и одновременно холодной ярости. Детское ли это движение плечом? Или другое что? Мужа она убила, а тебя подставила. Но почему-то нет никакого сочувствия этому человеку. Сожаление о страшной его смерти есть, а сочувствия нет. Сам бы его убил, настолько не нравился. И кто сказал, что это она? Она-она, и ты её за это не осуждаешь. Не за это!

Он почти уже выехал из города, когда понял, что за ним неотступно следует тёмно-серая девятка. Так вот почему ты меня отпустил! Всё правильно: сам бы так сделал. Только машинка у вас, братцы, совсем не мерседес. Лавров перестроился раз, потом другой. Потом ещё и ещё. Слава богу, были просветы в плотном потоке. Девятка не отставала. Они мчали уже по самой окраине, среди строек, новостроек и каких-то ангаров. Фуры стали попадаться, и Лавров пристроился перед одной из них. Наконец, на очередном светофоре ему удалось проскочить на красный, а девятка не успела.

Лавров, не снижая скорости, свернул с главной дороги. Теперь он ехал вдоль пустырей и заборов, заброшенных гаражей и канав. Он уже хотел остановиться, включить телефон, который ему вернул следователь, понять, где он находится и как отсюда выбраться, как вдруг на дорогу выбежал серый комок, а за ним кто-то ещё в красной курточке. Лавров резко повернул руль. Он успел подумать, что машина, кажется, перевернулась. Потом увидел себя в каком-то сером полупрозрачном коконе. И кто-то выдёргивает из кокона нити, вращает его бешено, помогает вырваться наружу. И вот сейчас будет свет! Но вместо этого мягкое иссиня-чёрное крыло легло Лаврову на глаза. Последнее, что он почувствовал, прежде чем потерять сознание, был запах талой воды.

В Питере вода всегда пахнет болотом, а в Москве ничем не пахнет. Снег это покой, потому что он белый, чистый.

Снег это тишина и покой. Зачем на снегу кровь? Это неправильно, уберите! Лавров очнулся в полуподвальном помещении с низкими сводами и стенами из красного кирпича. В глазах был туман и он не сразу разглядел, что у его постели стоит Бабочка. В тех же одеждах, что и в Питере, но с платком на голове. Тёмная сестра милосердия.

– Где я? – Спросил Лавров.

– В больнице.

– Стены какие-то странные.

– Здесь когда-то был монастырь, сейчас возрождают. Но больница работает.

– Вы его убили?

Она посмотрела ему в глаза:

– Каким образом?

– Кто вы? – Лавров попытался подняться, но голова закружилась, и он упал на подушку.

– Лежите, – сказала она ему, – и молчите. У вас сотрясение и рёбра сломаны.

– Почему я здесь?

– Потому что перед вашей машиной на дорогу выбежал ребёнок. А вы отвернули и перевернулись и ещё в забор влетели. Реакция у вас, кстати, потрясающая.

– Он жив?

– Жив. И щенок жив. Хватит задавать вопросы.

– Нет, – сказал Лавров. – Откуда вы знаете про Монки?

В ушах у него стучало и голос Бабочки звучал глухо, уба-

юкивал:

– ...не совсем обычная больница. Раньше её называли домом скорби – очень точное определение, мне кажется. Что может быть страшнее для человека, чем потеря разума!

– Ну, а вы-то что здесь делаете? Не похоже, чтобы ваш дух настолько ослаб, – Лавров попытался подняться и тут же сморщился от боли.

– Да. Люди, которые попадают сюда, иногда находятся в странном состоянии, странном даже для такого места – они как бы висят между миром живых и миром мёртвых. Тело их ещё здесь, а сознание уже на пути в иной мир. Но они никак не могут туда попасть.

– И вы им, конечно, милосердно помогаете? – Связвил Лавров.

– Не тем способом, о котором вы сейчас подумали. Понимаете, человек испытывает вселенскую обиду. Какая-то несправедливость подорвала его доверие к миру настолько, что он готов добровольно его покинуть, но не может оставить всё как есть. И тогда он взывает к небесам.

– Погодите, погодите! А вы, значит, – посланник небес? Лавров хотел было засмеяться, но заметил, что у Бабочки потемнели глаза, и передумал:

– Монки – так меня мама называла.

Бабочка кивнула.

Его вдруг как током ударило:

– Нет! Она не могла!

На него навалилось давно вытесненное воспоминание: матери долго не было – она лечилась, отец трогательно ухаживал.

Голос Бабочки прозвучал глухо, как за стеной:

– Она передумала в последний момент.

Лавров пришёл в себя и спросил:

– А можно было?

– У человека всегда есть выбор. Даже в таком состоянии.

Быть жертвой или...

– Или палачом?

Она вздрогнула, но взгляда не отвела:

– У каждого – свой крест.

– Но почему так жестоко?

– О нет, это не моя идея. Он сам выбрал себе смерть – «голову даю на отсечение» было его любимым выражением.

Я заметила, люди вообще редко следят за своими словами.

– А кто его, – Лавров запнулся, подбирая слово, – заказал?

– Дочь. В первом браке у него родилась не совсем здоровая девочка, а мать умерла в родах. От ребёнка он отказался. Он очень боялся болезни и смерти.

– А зачем вы его по кладбищам таскали? – Вдруг спросил Лавров.

Она пожала плечами:

– Надеялась, одумается. Он был не безнадёжен. Мне так казалось поначалу.

Они помолчали.

– Ну что, я ответила на все ваши вопросы?

– Нет, – сказал Лавров. – Зачем вы провели меня через этот квест?

– Мне нужна ваша помощь.

Их разговор прервал звонок лавровского телефона, который целый и невредимый заряжался на тумбочке.

– Мы вас потеряли, – сказал в ухо Лаврову следователь. И голос его не предвещал ничего хорошего.

– Я попал в аварию. Только что пришёл в себя.

– В какой вы больнице?

– Пока не знаю. Врач ещё не приходил, – соврал Лавров.

– Узнаете – позвоните. Если сможете. А у меня к вам пока один вопрос. В вашем офисе мы нашли следы пыльцы, её довольно много. Сделали анализ, оказалось – пыльца бабочки. Откуда она у вас?

– Не знаю, – сказал Лавров, надеясь, что голос его не выдаст.

– Ладно, – хмыкнул следователь, – отложим этот разговор.

Выздоровливайте.

Лавров положил телефон. Бабочка смотрела на него.

– Так что, вы со мной? – Повторила она вопрос.

– Да, – ответил Лавров. Закрыв глаза и заснул сном праведника.